

Кристоф Д. Брумме

«Вопросы к украинцам.»

Почему вы позволяете себя уговорить, чтобы ваша страна расколота? Потому что на западной Украине есть несколько идиотов, готовых прорычать русскоговорящим людям: «Здесь говорят по-украински!»? Потому что в Донбассе Степан Бандера считается фашистом? Разве это не мелочи в сравнении с тем, что довелось пережить вашим дедам?

Я спрашиваю это как человек, который пересёк вашу чудесную страну на велосипеде с запада на восток уже десять раз. В Ивано-Франковске встретил я трёх человек, которые пытались меня убедить, что люди на востоке Украины, русские, совсем другие. «Они относятся к совершенно иной культуре, чем мы здесь, на бывшем австро-венгерском золотом Западе. Мы принадлежим к Европе, они – к России!». Когда я расспросил этих трёх человек об их предках, оказалось, что у одного отец – поляк, у другого бабушка – армянка, третий был наполовину венгром. На мой вопрос, когда они последний раз были в Донбассе, где, по их словам, живут исключительно русские реакционеры, они ответили: «Ещё никогда!»

Они даже и не собирались туда съездить. Потому что у каждой страны есть свой Восток, и Восток этот всегда очень далеко. В Берлине мои западно-берлинские друзья с ужасом спрашивали: «Ты собираешься ехать на велосипеде на восток до самой Польши?» В Польше люди стучали себя кулаком по лбу, когда я говорил, что еду в Украину. В Донбассе боязливые продавщицы предостерегали меня насчёт бандитов в России. В России мне говорят, что дальше, чем до Волги мне действительно не стоит ехать, ни в коем случае не добираться до Казахстана.

Меня тянет зевнуть, когда я слышу подобные вещи. И так же, как и дочь разбойника Роня, я делаю открытия, что там, где по всеобщему мнению очень опасно, на самом деле может быть довольно уютно. Я уже часто пользовался в Украине чьим-нибудь гостеприимством, но нигде не получал столько приглашений как от шахтёров Донбасса.

Там живут жёсткие парни, это бесспорно. И надо иметь крепкий желудок, если вы там хотите погостить. Но сколько бы мы ни выпили, никогда я не слышал, чтобы кто-то отрицательно высказался в адрес украиноговорящего Запада. Как и всюду, здесь ругают политику, обманщиков в парламенте, низкие пенсии и поддельные лекарства, но никогда не говорят ничего плохого об украинцах. Иногда кто-нибудь скажет: «Они там нас не любят», и это звучит как разочарование.

Мой друг Анатолий из Тынивки, в центральной Украине, великолепно это однажды выразил: «Рабочий из Донбасса меня не обманывает. Он должен так же упорно работать, как и я, если хочет прокормить свою семью. А лентяи есть везде».

Надо прежде всего себя спросить, кому на пользу поддержание раскола Украины. Кто может быть заинтересован в том, чтобы стравливать между собой трудящихся людей, разжигать взаимные обиды?

Конечно, эксплуататорский капитал, олигархи. Тот, кто спорит из-за языка, не должен говорить о низких пенсиях. Расколотым рабочим классом легче манипулировать, чем единым. В парламенте происходят лишь притворные сражения, рассчитанные на публику, которая давно уже отвернулась. Ещё один выгодополучатель – это Западная Европа, особенно Германия, т.е. немецкая политика. До тех пор, пока Украина считается расколотой, существуют с западноевропейской точки зрения критерии добра и зла. У хаоса есть имя: раскол. Это упрощает взгляд на восток. Страну без внутреннего единства нельзя принимать в ЕС. В конце концов, не хватает служащих, которые могли бы заниматься Украиной. Ведь если посчитать, то окажется в результате, что всего лишь три дюжины чиновников в ЕС занимаются отношениями с самой большой по территории в Европе страной. Также и определённые деструктивные силы в России с удовольствием наблюдают за этим конфликтом. Они могут теперь сказать: «Без нас не справляетесь, неумелые младшие братья.»

Следующий вопрос: что могло бы быть альтернативой Украине в её нынешних границах? Должно быть, есть люди, которые выступают за отделение русскоязычных частей страны. Но что будет с миллионами русско-украинских семей? Они тоже должны разделиться? Кто это решает? Может быть, журналисты и писатели, так охотно специализирующиеся на данной теме, потому что для этого не надо много знать, можно использовать знакомые клише?

И как быть с местностями, где говорят преимущественно на суржике, то есть, так, как Бог на душу положит? Или вообще по-румынски или по-гречески? Украина имела бы фантастическую форму, если бы её взяли перекраивать по критериям крови и почвы.

Как велосипедист, могу сказать: различия между западом и востоком Украины минимальны. Гораздо меньше, чем те, что в Польше. И намного меньше, нежели региональные различия внутри Германии, как, например, между Баварией и Мекленбургом-Передней Померанией. Вообще: что может знать один человек? У скольких людей может он узнать их мнение? И кто ему даст гарантию, что мнения эти не изменятся?

Вот и я вёл за последние годы долгие беседы самое большее с пятьюстами украинцами. Пятьсот из 45-ти миллионов.

Вырисовывающаяся из этого картина, однако, ясна: люди в Украине страдают не от языковых или культурных различий, а из-за экономических и социальных проблем. Даже погоду ругают чаще, чем какую-нибудь национальную группу. Тем более, что в последние годы периоды жары перемежаются с катастрофическими ливнями.

В западноевропейских странах, таких как Швейцария, Бельгия или Финляндия, тоже используется несколько официальных языков. Почему это не должно быть возможным и в Украине? Моему другу Анатолию не будет мешать, если в Луганске смогут заполнять формуляры по-русски. Но он будет рад, если его самого реже будут мучить необходимостью заполнения формуляров.